

УДК 343.5

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ ПРАВОВОЙ ПРЕВЕНЦИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Зелик Виталий Анатольевич
к.ю.н., кафедра уголовно-правовых дисциплин
ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента»
Краснодар, Россия
Vzelik@mail.ru, 89183177979,
г.Краснодар, ул. Ставропольская,216

Яблочкин Александр Евгеньевич
Государственная инспекция безопасности
дорожного движения г. Москва.
Vzelik@mail.ru, 89160028822

Целью данной статьи является определение уголовно-правовой превенции семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Рассмотрены качественные и количественные показатели семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Предложены в целях повышения эффективности уголовно-правовой превенции насильственных семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения внести изменения в действующее законодательство. Проведенное исследование о направлениях уголовно-правовой превенции семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, методологически построено на следующих позициях – сравнительно-правовом и социально-политологическом, общенаучных и частично-научных, а также статистически-информационных. На наш взгляд, основной аспект необходимо сделать на выявление причин и условий способствующих семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Определить основные качественные и количественные показатели семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Необходимо определить основные повышения эффективности уголовно-правовой превенции насильственных семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения внести предложения по изменению в действующего законодательства

Ключевые слова: СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ, ЛАТЕНТНОСТЬ, ПОТЕРПЕВШИЙ, УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРЕВЕНЦИЯ

УДК 343.5

THE DIRECTIONS OF THE LEGAL PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC CRIMES COMMITTED WHILE INTOXICATED

Zelik Vitaliy Anatolyevich
Cand.Leg.Sci., the Department of criminal-law
disciplines
Southern Institute of management» Krasnodar, Russia
Vzelik@mail.ru, 89183177979,

Yablochkin Alexander Evgenievich
State inspection of road traffic safety in Moscow.
Vzelik@mail.ru, 89160028822

The aim of this article is to define the criminal law prevention of family offences committed while intoxicated. The qualitative and quantitative indicators of family offences committed while intoxicated were shown. We have proposed to amend existing legislation in order to increase the effectiveness of the criminal law prevention of family violence crimes committed while intoxicated. Criminal law prevention of family offences committed while intoxicated is methodologically built on the following positions-comparative-legal and socio-political, general and private scientific and statistical information. In our view, the main point needs to be done to identify the causes and conditions conducive to family and domestic crimes committed while intoxicated. We have to identify the main qualitative and quantitative indicators of family offences committed while intoxicated and define the basic efficiency of criminal law prevention of family violence crimes committed while intoxicated to make proposals to amend the existing legislation. As the findings of the study, the proposed main areas of improving criminal law prevention of family offences committed while intoxicated

Keywords: FAMILY-HOUSEHOLD CRIME, DRUNKENNESS, LATENCY, VICTIM, CRIMINAL PREVENTION

Важным условием создания системы эффективной уголовно-правовой превенции семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии

опьянения, является детальный анализ их качественных и количественных показателей.

По данным Европейских статистических источников, начиная с 2003 года практически во всех странах Европы выросло число преступлений, детерминированных потреблением алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ. В частности, уровень преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, за отчетный период увеличился на 117% в Албании, 234% в Армении, 160% в Грузии, 90% в Ирландии, 63 % в Люксембурге, 74% в Швеции и 56% в Великобритании. Снижение показателей было отмечено лишь в Чехии (- 24%); Греции (- 23%), Молдове (- 25%), Шотландии (- 5%).

Несмотря на увеличение числа потребителей алкоголя и снижения возраста потребителей, и в российской и мировой статистике наметился незначительный спад тяжких насильственных преступлений, совершенных в состоянии алкогольной интоксикации, на фоне роста и стагнации тяжких и особо тяжких деяний, совершаемых в состоянии наркотического опьянения.

По экспертным оценкам, на долю семейно-бытовых преступлений приходится более 90% убийств, 95% причинения тяжкого вреда здоровью, 85% - причинения среднего или легкого вреда здоровью и побоев; 65% изнасилований, совершенных в состоянии опьянения.

Снижение уровня убийств сопровождается ростом насильственных преступлений небольшой или средней тяжести. Увеличивается число бытовых случаев причинения вреда здоровью, бытовые хулиганства: с 30% до 35%. Уровень изнасилований по последние десять лет возрос на 15%.

При анализе насильственной семейно-бытовой преступности следует учитывать ее высокую латентность. По данным опроса, 95% потерпевших от семейно-бытовых преступлений в семье заявили, что это был не первый случай применения в отношении них насилия. Но только 10% ранее

обращались в правоохранительные органы. Отказ от обращения аргументировался следующим образом: все равно ничего бы не помогло (33%); не верили, что помогут (25%); не хотели выносить на суд общественности (21%); надеялись самостоятельно разрешить конфликт (20%); из-за боязни мести со стороны виновника конфликта (насильника) (24%); из-за стыда (11%); из-за незначительности причиненного вреда (6%); виновный образумится (10%); из-за нежелания разрушить семью (5%).

35% потерпевших отметили, что конфликтная ситуация длилась несколько месяцев и в 30% случаев была связана с потреблением психоактивных веществ.

Говоря о структуре насильственной семейно-бытовой преступности, детерминированной потреблением психоактивных веществ, важно отметить ее относительную стабильность. Начиная с 1998 года она не претерпела существенных изменений. По-прежнему лидируют убийства; причинение тяжкого вреда здоровью; причинение вреда здоровью средней и небольшой тяжести; хулиганство и изнасилования.

По данным доклада Управления ООН по наркотикам и преступности, посвященного глобальному исследованию убийств[13], в США алкоголь «вовлечен» в 86% убийств, 72% ограблений, 64% сексуальных преступлений, а в Финляндии 82% убийц к моменту совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

На высокую латентность преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, указывает невысокий уровень угроз убийством и причинением тяжкого вреда здоровью. Опрос осужденных показал обратное: 75% из них признались, что ранее до совершения насильственного преступления угрожали жертве в состоянии опьянения. Таким образом, в большинстве случаев насильственное преступление являлось следствием длительно

развивающейся конфликтной ситуации с угрозами и применением насилия.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении побоев. 15% потерпевших отметили, что насильственные действия в отношении них совершались систематически (2 раза в неделю), 19 % - регулярно (1 раз в неделю), 12% - 1-2 раза в месяц, а 1,0% - почти каждый день[2].

Половые преступления против членов семьи в юридической практике регистрируются очень редко. Но по экспертным оценкам, «к данному виду насилия относится 42,3% всех несовершеннолетних жертв женского пола[4]. Остальные 57,7% девочек получают либо определенных вред здоровью, либо систематические побои»[8].

Высокую латентность семейно-бытового сексуального насилия обеспечивают случаи изнасилования супругом собственной жены (примерно 70% всех случаев сексуального насилия). Интересны результаты социологического опроса: только 22% респондентов считают изнасилование мужем жены тяжким преступлением; 50% считают, что такие случаи не стоит придавать огласке; остальные не видят в них состава преступления.

Проблема семейно-бытовой преступности не может быть исследована без учета поведения потерпевшего, поскольку в механизме именно этих деяний наиболее ярко проявляется виктимологический фактор.

Выборочный анализ уголовных дел по убийствам и причинению вреда здоровью показал, что между виновным и потерпевшим часто имеются длительные неприязненные отношения: 2 - 3 года – 35%; 4 - 6 лет – 30%; 7-10 – 12%; свыше 10 лет – 10%.

Насильственные семейно-бытовые преступления направлены, как правило, против женщин (70%). Чаще всего потерпевшими являются супруги или сожители (52%), родители (18%), дети (21%), сестры и братья (7%), а также иные родственники виновного.

Часто поводом к совершению преступления является противоправное, аморальное поведение потерпевшего[9]. Большинство опрошенных осужденных указало, что потерпевший перед совершением преступления вел себя агрессивно, грубо. При этом 40% отметили, что потерпевший оскорблял, унижал их или других членов семьи; 13% - угрожал убийством, причинением телесных повреждений; 19% - наносил легкие удары; 5% ограничивал свободу; 4% - прятал деньги виновного и пр.

Характерно, что в 66% случаев преступник и потерпевший незадолго до совершения посягательства совместно употребляли спиртные напитки и иные психоактивные вещества. 60% виновных принимали решение совершить преступление в результате внезапно возникшего побуждения. Только 5% признали, что до совершения преступления они обдумывали его детали и разрабатывали сценарий действий.

По данным Д.В. Ривмана и В.С. Устинова, из потерпевших, находившихся в состоянии опьянения (убийство/ причинение тяжкого вреда здоровью) не были знакомы с преступником только 22% и 37,7% соответственно[12].

Характерно, что среди жертв убийств гораздо меньше незнакомых и малознакомых лиц, чем среди потерпевших от причинения тяжкого вреда здоровью. Во многом это объясняется тем, что причинение смерти является следствием острого межличностного конфликта, в то время как причинение вреда здоровью многими воспринимается как доступная форма разрешения спора даже с малознакомыми лицами.

Отечественные и зарубежные криминологи отмечают сходство между «питейными» традициями преступников и жертв криминального насилия[3]. Подавляющее большинство из них (более 70%) склонны к потреблению алкоголя, 1% - к потреблению наркотических средств и психотропных веществ.

На ситуативный характер насильственных семейно-бытовых преступлений указывают данные о средствах, времени и месте их совершения.

По данным В.А. Лобанова, преступления, совершенные подручными колющими и режущими предметами, составили 30,7%, твердым тупым предметом - 22,6%, рукой, головой, ногами - 35,0%, путем выстрела из огнестрельного оружия - 4,4% и другими способами - 7,3% [5].

Выборочный анализ уголовных дел подтвердил этот вывод. На первом месте находятся бытовые колюще-режущие предметы домашнего обихода (различные кухонные ножи, топоры, отвертки, ножницы и пр.), на втором месте – твердые предметы (молотки, камки, палки, железные трубы, арматуру), на третьем – удары руками и ногами, на четвертом - оружие.

Обобщая изложенное, можно отметить, что насильственные семейно-бытовые преступления, совершаемые в состоянии опьянения, отражает общее состояние российской и мировой преступности.

Сокращение тяжких и особо тяжких посягательств наблюдается на фоне роста деяний небольшой и средней тяжести; увеличивается естественная и искусственная латентность семейно-бытовых преступлений, повышается виктимность родственников на фоне снижения виктимности посторонних или малознакомых лиц; большое распространение получают насильственные преступления, совершаемые в состоянии опьянения лицами из маргинальной среды.

В числе негативных криминологических тенденций, требующих адресных мер воздействия, следует назвать заметное увеличение доли преступников, страдающих хроническим алкоголизмом и наркоманией [10].

Преступления, совершаемые алкоголиками (наркоманами) в состоянии опьянения, отличаются более тяжкими последствиями, нежели иные «пьяные» посягательства, ситуативной мотивацией и произвольным

выбором жертв. Более того, хронические алкоголики в два раза чаще совершают тяжкие преступления, чем лица, часто употребляющие спиртные напитки, и в 6 раз чаще, чем лица, редко потребляющие психоактивные вещества.

Приведенные выше данные актуализируют вопрос об обоснованности исключения из УК РФ института принудительного лечения алкоголиков и наркоманов и возможности его возвращения в российское правовое поле.

Со времени исключения п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ, острота полемики о целесообразности этого шага с каждым днем возрастает.

Сторонники упразднения института принудительного лечения лиц, совершивших преступление и страдающих алкоголизмом и наркоманией, оправдывают свою позицию необходимостью соблюдения права человека на добровольное лечение, невозможностью применения к нему принудительных мер, а также существованием эквивалентного принудительному лечению института обязательного лечения.

Не углубляясь в детальный анализ приводимых аргументов, следует отметить, что позиция оппонентов имеет куда более весомый и убедительный характер.

Выступая за восстановление института принудительного лечения преступников, являющихся хроническими алкоголиками и наркоманами, мы подкрепляем свою позицию следующим доводами:

1) состояние алкогольной (наркотической) интоксикации является важным фактором криминального насилия, детерминационная значимость которого многократно увеличивается при совершении преступлений лицами, страдающими алкоголизмом и наркоманией. Как отмечает А.С. Михлин, «у алкоголиков жестокость проявляется на 16% чаще, чем у остальных осужденных»[6]. По мере развития заболевания больные утрачивают полезные контакты и социально деградируют. Их реакция на внешние события имеет спонтанный и агрессивный характер, что

увеличивает риск совершения насильственных преступлений в отношении неограниченного круга лиц;

2) особенностью российской криминальной среды является сближение «пьяной» и «маргинальной» преступности. 92% хронических алкоголиков, совершающих убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилования, не имели постоянной работы, а 65% - постоянного места жительства. Кроме того, более 90% преступников имели доход, не превышающий минимального прожиточного уровня.

На основе представленных данных «вырисовывается» следующий портрет насильника: социально неустроенное лицо, страдающее хроническим алкоголизмом (реже – наркоманией) и не имеющее ни материальных, ни мотивационных, ни социальных предпосылок и ресурсов для того, чтобы добровольно пройти курс лечения;

3) среди алкоголиков и наркоманов велик удельный вес рецидивов. При этом каждое последующее насильственное преступление опаснее предыдущего. На фоне сокращения числа лиц, готовых лечиться добровольно, эта тенденция имеет крайне опасный характер;

4) меры, призванные заменить принудительное лечение преступников, страдающих алкоголизмом и наркоманией, сложно признать достаточными.

Согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ, на условно осужденного может быть возложена обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании. Но эта мера является весьма ограниченной, поскольку, во-первых, применима только к условно осужденным, среди которых нет лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления против личности.

Во-вторых, возложение такой обязанности «возможно только в отношении узкого круга лиц, поскольку уже в средней (абстинентной)

стадии алкоголизма эти лица не в состоянии самостоятельно пройти курс лечения в связи с грубыми нарушениями в волевой сфере»[1].

5) об эффективности принудительного лечения как профилактической меры свидетельствует его широкое распространение за рубежом. В частности, в Германии, США и Франции принудительное лечение алкоголиков и наркоманов является необходимым условием их условно-досрочного освобождения.

На основе изложенного и в целях повышения эффективности уголовно-правовой превенции насильственных семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. Восстановить в прежней редакции п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ, признанный утратившим силу Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162 – ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ», и законодательно закрепить порядок назначения, сроки назначения, прекращения и продления принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и страдающих алкоголизмом (наркоманией);

2. Предусмотреть возможность применения принудительного лечения алкоголиков и наркоманов в исправительных учреждениях закрытого типа, внося соответствующие изменения в Федеральный закон от 2 июля 1992 г. № 3185 – 1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Не менее важным является вопрос о целесообразности установления запрета на ношение огнестрельного оружия в состоянии опьянения. Эта новелла была введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия». В соответствии с ним, ст. ст. 111, 112 и 115 УК РФ были

дополнены квалифицированным составом – совершение преступления с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, а в ст. 20.8 КоАП РФ были внесены части 4.1 и 4.2, устанавливающие ответственность за ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения.

Этот пакет поправок вызвал неоднозначную реакцию в научном сообществе. Сторонники легализации короткоствольного оружия посчитали его шагом назад в деле популяризации идеи распространения оружия самообороны[13], противники, напротив, поддержали общую линию государственной политики в направлении «зарегимливания» оборота и применения оружия[11].

В числе основных доводов в пользу установления запрета на ношение огнестрельного оружия в нетрезвом виде разработчики законопроекта назвали необходимость предупреждения «пьяных преступлений»[7], но с этим доводом не позволяет согласиться статистика.

По официальным данным, доля вооруженных преступлений, совершенных в состоянии опьянения, за последние 5 лет не превышала 10%. Причем только 40% от общего числа вооруженных преступников являются законными владельцами оружия: в 21% - холодного оружия, в 15% - огнестрельного и в 4% - иного оружия. Принимая во внимание тот факт, что это соотношение сохраняется уже более пяти лет, резонным кажется вопрос о целесообразности ограничения ст. 20.8 КоАП запретом на ношение только огнестрельного оружия.

С учетом современных криминологических тенденций обоснованным видится расширение сферы применения данной нормы посредством указания на противоправность ношения в состоянии опьянения холодного, метательного, пневматического и газового оружия.

Но здесь неизбежно придется столкнуться с проблемой, которая уже сейчас является неразрешимой – проблемой квалификации действий

владельцев оружия, находящихся на охоте в течение нескольких дней и употребляющих спиртные напитки в местах ночлега.

С точки зрения действующего законодательства, в местах ночлега, в отсутствие специально оборудованного сейфа они не хранят, а носят оружие. А это значит, что на охотников в полной мере распространяется ст. 20.8 КоАП. Таким образом, под санкции статьи подпадает подавляющее большинство охотников, хотя ими совершается не более 10% вооруженных преступлений, из которых только 2% - на охоте.

Изложенные выше рассуждения указывают на необходимость более глубокой и тщательной проработки законодательных решений с неизменным учетом криминологических реалий.

Список использованной литературы:

1. Гареев М. Вернуть принудительное лечение//ЭЖ – Юрист. 2013. №11. С. 8.
2. Датий А. Алкоголь и преступление//ЭЖ-Юрист. 2012. № 41. С.13.
3. Игнатиади А.С., Сидоренко Э.Л. Охрана репродуктивного здоровья в российском уголовном законодательстве: направление и перспективы развития. Ставрополь, 2006. С. 99.
4. Зелик В.А. Наши дети в опасности. Социально-экономический ежегодник 2013. Сборник научных статей. Краснодар, 2013.
5. Лобанов В.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бытовых преступлений. -Минск, 1982. С. 35.
6. Михлин А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания. Фрунзе, 1980. С. 45.
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» // Правовая система «КонсультантПлюс»
8. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. -М., 2002. С. 112.
9. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления: Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 45
10. Сидоренко Э.Л. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности // Уголовное право. 2005. № 1. С. 61.
11. Сидоренко Э.Л., Катбамбетов М.И. Вооруженное насилие: уголовно-правовая и криминологическая оценка. -М., 2014. С.103.
12. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. -СПб, 2000. С.236–237.
13. Юрлов С. Вооружен, значит, защищен?//ЭЖ-Юрист. 2012. №19. С. 9.

14. Global Study on Homicide, 2013. Trends. Contexts. Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2014. URL: www.unodc.org

References

1. Gareev M. Vernut' prinuditel'noe lechenie//JeZh – Jurist. 2013. №11. S. 8.
2. Datij A. Alkogol' i prestuplenie//JeZh-Jurist. 2012. № 41. S.13.
3. Ignatiadi A.S., Sidorenko Je.L. Ohrana reproduktivnogo zdorov'ja v rossijskom ugovnom zakonodatel'stve: napravlenie i perspektivy razvitija. Stavropol', 2006. S. 99.
4. Zelik V.A. Nashi deti v opasnosti. Social'no-jekonomicheskij ezhegodnik 2013. Sbornik nauchnyh statej. Krasnodar, 2013.
5. Lobanov V.A. Ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja harakteristika bytovyh prestuplenij. -Minsk, 1982. S. 35.
6. Mihlin A.S. Lichnost' osuzhdennyh k lisheniju svobody i problemy ih ispravlenija i perevospitanija. Frunze, 1980. S. 45.
7. Pojasnitel'naja zapiska «K proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s sovershenstvovaniem zakonodatel'stva ob oborote oruzhija» // Pravovaja sistema «Konsul'tantPljus»
8. Serdjuk L.V. Nasilie: kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie. -M., 2002. S. 112.
9. Sidorenko Je.L. Otricatel'noe povedenie poterpevshego kak obstojatel'stvo, vlijajushhee na differenciaciju otvetstvennosti i individualizaciju nakazanija sub#ekta prestuplenija: Dis... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2002. S. 45
10. Sidorenko Je.L. Nekotorye problemy ugolovno-pravovoj ocenki sostojanija op'janenija vinovnogo v teorii i pravoprimeritel'noj dejatel'nosti // Ugolovnoe pravo. 2005. № 1. S. 61.
11. Sidorenko Je.L., Katbambetov M.I. Vooruzhennoe nasilie: ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja ocenka. -M., 2014. S.103.
12. Rivman D.V., Ustinov V.S. Viktimologija. -SPb, 2000. S.236–237.
13. Jurlov S. Vooruzhen, znachit, zashhishhen?//JeZh-Jurist. 2012. №19. S. 9.
14. Global Study on Homicide, 2013. Trends. Contexts. Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2014. URL: www.unodc.org